

И.А. Чистович

Идея бессмертия в древне-греческой философии и в христианском мировоззрении

Иларион Алексеевич Чистович

(Несколько слов, сказанных профессором И. А. Чистовичем на диспуте, 11 апреля 1871 г., перед защитой докторской диссертации): Древнегреческий мир и Христианство в отношении к вопросу о бессмертии и будущей жизни человека

Предмет, которому я посвятил моё исследование, принадлежит одинаково научной и практической области. Вопрос о бессмертии и будущей жизни один из тех коренных вопросов, к которым обращаются одинаково сердце и разум, вера и мыслящее сознание. Из этих, двух сторон я мог взять только одну *научную*. Но и в научной сфере моё исследование не есть ни психологический трактат о бессмертии, но изложение богословско-догматического учения о будущей жизни человека, но есть исследование идеи бессмертия, как исторического факта, исследование о её происхождении, о различных формах её выражения в древнем дохристианском мире и наконец о той заключительной форме, какую оно получило в христианстве.

Показавши мою точку зрения на предмет, я прошу позволения в коротеньком очерке изъяснить её основные мысли, около которых вращается моё исследование.

1) Что касается до происхождения идеи бессмертия в смысле исторического факта или явления, то отыскивая его мысль невольно обращается к Востоку, который вообще может быть назван страной начала, почина.

В Европе, стране сравнительно новой, всё (по крайней мере в элементарных формах) идёт с Востока. С Востока идут религии, с Востока идут языки и зачатки культуры. Прежде чем загоралось образование на Западе, Восток уже имел за собою целые века умственной жизни. Греки, которые первые явились на исторической сцене Запада, – народ сравнительно молодой в отношении к прошедшим векам жизни Востока. Гомер, древнейший греческий поэт, по общепринятому мнению, не

старше IX века до Р.Х.. Что это за древность перед Востоком! Научные исследования показали, что древнейшая Восточная культура была и широка и разнообразна. Области Турана и Ирана, потом область Инда и Ганга, страны при-евфратские в Азии и наконец страна пирамид были странами древнейших цивилизаций, в которых развились древнейшие формы религии и поэзии, развилась наука в её разнообразных направлениях и применениях, развились искусство в своеобразных формах, технические сведения, относящиеся к разным областям жизни. Но эти цивилизации не составляют основы для европейской, ближайшим образом греческой цивилизации, не составляют исторического момента в её развитии. Нельзя сказать, что греки подвинули вперёд, развили дальше Восточную цивилизацию: они развили свою, которая носит совсем другой тип, имеет другой склад. Без сомнения они соприкасаются с нею в первоначальное время и в первоначальных формах своего доисторического быта, потому что они пришли с Востока и оттуда принесли первоначальные формы их быта и понятий, религию и язык: но эти формы относятся к доисторической эпохе, к детству греческого народа. В этом отношении все народы имеют много общего между собою, родственные черты, которые указывают на единство или взаимное соприкосновение их в древности. Но эти связи нам почти не известны. Они рушились, порвались очень давно, судя по тому, например, что выделение греков и италийцев от главного Арийского племени совершилось, как полагают, за три тысячи лет до Р.Х. ещё в ту пору, когда индийские арийцы жили вместе с зендами, родоначальниками иранцев. За тем уже самые первые, сознательные, исторические проявления их жизни носят другой отпечаток. Развились из их собственного духа и существенно рознятся от Восточных.

В ту же пору, когда сношения Греции с Востоком восстановились и делаются исторически-известными, именно около VII в. перед Р.Х., Запад столь уже несравненно выше Востока. Поздняя легенда заставляет древних мудрецов и философов – Пифагора, Платона, Демокрита, Солона – учиться на Востоке; но она не имеет за собою исторической достоверности. Сами восточные в ту пору, на пример, во время Платона, считали греческое образно-новым. Один египетский жрец, в Платоновом диалоге – говорит Солону: «Вы греки всегда останетесь детьми; стариком грек никогда не бывает. И когда Солон спросил, что он под этим разумеет, тот отвечал: «Вы все люди новые, потому что не имеете никаких старых преданий, ни какой древней мудрости, никакого от времени поседевшего знания, (Timaeus 22 B.)

Восток имел влияние на Запад, на европейское образование, но уже

позже и только одною стороною. Я разумею те элементы, которые вошли в христианское образование из иудейства, хотя при этом должен сказать, что христианство не было ни продолжением, ни видоизменением иудейства, но развило семена жизни совершенно новой. Таким образом, даже допуская, что на Востоке были какие бы-то ни было представления о будущей жизни, я не видал побуждения к исследованию их, так как они не имели влияния на движение религиозной и философской мысли европейских народов и стало быть остались за пределами истории.

2) Обращаюсь к грекам. На полуострове Греции, который так мал, что если даже присоединить все острова, то получится площадь на одну треть меньше нынешнего королевства Португалии, развилась первая западная, европейская цивилизация. Здесь мы видим совсем другой склад ума и понятий, нежели на Востоке. Я не буду входить в рассмотрение причин этого различия. Для меня важно указать только на то, что здесь развились важнейшие понятия учреждения, сделавшиеся элементами европейской цивилизации. Заслуга Греции велика во всём – в религии и философии, в искусстве и политике. Изучение их не есть изучение только первых, нетвёрдых шагов европейской жизни, незрелых плодов европейской мысли: это есть изучение первого, сохраняющего значение до сих пор, типа европейской цивилизации, изучение проявлений духовного творчества, до сих пор и всегда родственных европейскому духу.

Существенное, что отличает греческую цивилизацию от азиатской, это развитие индивидуальности, развитие личности.

На Востоке лицо поработлено было, можно сказать даже поглощено было общим принципом, выразившимся в разных формах – правительственного и жреческого деспотизма, кастового разделения, патриархализма со святынею древних обычаев, теократии, и других, – и охватывавшим жизнь на всех путях, со всех сторон. Деспотизм этого принципа оковывал мысль, отрицал всякое движение, всякое развитие и держал жизнь в оцепенении. Последствием его был фатализм, безучастное отношение к жизни, роковое довольство тем, что посылает судьба, без жалобы на своё состояние и без надежды на перемену к лучшему. Греция выдвинула и развила другой, противоположный принцип, принцип индивидуальности, личной свободы. Начало индивидуальности обеспечивает движете мысли, движение – борьбу, борьба – свободу и прогресс. Запад и Восток в этот смысле обозначают собою не только географические положения, но и различные степени культуры. Страна отходить от Востока или приближается к Западу по мере того, как она развивает в себе принцип личной свободы. При господстве этого принципа

каждая даровитая личность вносит в общее движение свои элементы; каждая старается отстоять свою независимость и нравственную самостоятельность против других. Создаются разные типы, выступают новые формы, новые начала; одни идеи сменяются другими и жизнь постоянно обновляется притоком свежих сил. Этим принципом, эту могучую основу цивилизации европейский Запад обязан Греции.

Но Греция выработала его не вдруг. В древнейших своих формах греческая жизнь также примыкает к Востоку – своей родине во всех отношениях. Она должна была пройти, пережить ту ступень, на которой остановился Восток. Греки долго и много поработали над собою до тех пор, пока не выработали понятий, сделавшихся с тех пор общим достоянием образованной Европы. Для нас, в отношении к нашему вопросу, любопытно взглянуть, как совершился этот процесс в сфере религии и философии.

Древнейшею религией Греков было обоготворение грубой силы природы. Уранос и за ним Кронос – это суровые и жестокие боги природы, представители тёмной силы, которая не только не терпит никакого сопротивления, но не допускает никакого отдельного существования и уничтожает свои порождения вслед за их появлением на свет. Это – Восток во всей форме. Это – индийский бог Майя, играющий отдельными жизнями, как мыльными пузырями. Родись и умри, и в уничтожении получи наказание за недозволенные радости отдельного бытия. В древнегреческой философии Анаксимандра, Ксенофана и Элейцев видим тоже явление. Существует только одно, как высший закон, одно имеющее право на бытие: всякая множественность, всякая отдельная жизнь есть вражда против одного и должна погибнуть, и в этом потерпеть наказание за неправды личного бытия. Но светлое греческое чувство не могло перенести этого взгляда на жизнь, уничтожающего все радости жизни. Припомните хоть того же Ксенофана Колофонского, как он не мог переварить своего принципа и всю долголетнюю жизнь мыкался по Гелладе, как чужой в греческом мире; припомните его болезненный стон: «куда ни посмотрю, все стягивается в одно». Греческая жизнь объявила войну этому принципу и, хотя с тяжёлым, болезненным процессом, освободилась наконец от этого, как бы чуждого ему, мировоззрения, свергла тяготевшее над ним иго, отвергла бессердечного Бога, который даёт жизнь, но не даёт счастья своим творениям, своим порождениям». Древний мир говорит, что когда всепожирающий Кронос или Сатурн родил Зевса и хотел проглотить его, мать подсунула ему камень, а Зевса скрыла и воспитала тайно на острове Крите. Он объявил войну отцу, с

помощью титанов низверг его с престола и с тех пор тираническое владычество Кроноса кончилось; наступило царство Зевса и Олимпийцев, господство политеизма, господство индивидуальности в религии, в правительственной и социальной жизни, в философии и искусстве. Началось гомеровское время. В чувстве этой победы греки не знают меры своим радостям. Они ликуют как юноши, вышедшие из-под грозной и ненавистной опеки. Поэзия Гомера, первое проявление свободного греческого духа, дышит ясностью весеннего утра, свежей зеленью полей, сбросивших ледяные покровы. Это радость, с которой ничто не может сравниться и которая имеет всемирно-историческое значение. Религия Зевса, весёлая, открытая, истинно-греческая, вполне соответствовала этому настроению. Боги Олимпа шутили, развились, наслаждались жизнью как люди; люди следовали примеру богов и гелленская жизнь проходила, как весёлый пир.

Но в ту пору, как олимпийские боги пировали в безопасности, явились соперники им. Обок с религией Зевса и можно сказать в недрах её появились тайные религиозные общества, образовались тайные культы и эти то культы были и назывались мистериями, таинствами. Появление их относится к промежутку времени между Гомером и Персидскими войнами, к середине этого периода, около времени зарождения греческой философии.

Время, в которое они появились, имеет чрезвычайное значение в греческой жизни, хотя о нём существуют различные мнения. По взгляду одних это время, в которое греческая жизнь подпала под чуждые, именно восточные влияния; ровный и светлый поток греческой жизни принял в себя новые элементы, чуждые греческому сознанию, так что это время было временем упадка греческой жизни, помрачения греческого духа. Мистерии были восточными религиями, внешним образом перенесёнными на греческую почву. Они скрывались, потому что были чужие; но мало помалу овладевали полем и наконец разлились по всей Греции. В более облагороженной форме взгляд этот видоизменился тем, что на мистерии стали смотреть как на хранилища древних преданий. Хотя они пришли в Грецию с Востока, но принесли с собою древние понятия, древние истины о Боге и бессмертии. Философия потом не выдумала этих истин, но заимствовала их именно из тайного учения мистерий. Этот взгляд имел на своей стороне такого знаменитого символиста, как Крейцер. Из наших соотечественников разделял его покойный граф Уваров. Между тем наука выработала другой взгляд на мистерии и на время появления их в Греции, состоящий в том, что рассматриваемое время после Гомера до VII века

перед Р.Х. было временем зарождения величайших понятий греческой мысли о божественном происхождении духовной природы души, её падения и необходимости искупления; что эти понятия развились в мистериях, но не вошли в них традиционным путём; что мистерии были именно носителями этих понятий, откуда они перешли и в философию; что они составляли для греков переход из детства в веке просвещения к философии, и были как бы философией в сфере или в оболочке религии. Следовательно и время это есть момент и притом важнейший, собственно греческой жизни, начало того движения, которое приняло потом такие широкие размеры.

Конечно мистерии были протестом против народной веры. Усиление тайных культов ясно свидетельствует об упадке и, следовательно, о недостаточности религии Зевса. Причину этой недостаточности угадать не трудно. Существенным элементом греческой религии была чувственность; культы подняли господство духа и нравственного порядка. Пир чувственности не может идти дальше этой жизни: культы противопоставили ей будущую жизнь, как цель для земной жизни. Вот в чём состоит достоинство и заслуга мистерий. Таким образом впервые идея бессмертия возникла не в недрах народной религии и не в философском мышлении, но в мистических культах. По этому, если они и составляют упадок религии в её определённой форме, то в то же время составляют торжество и являют силу греческого духа, который возвёл в них своё религиозное мировоззрение на несравненно более высокую ступень. Ошибочно было бы сказать, что они, как и философия впоследствии, разрушали религию. Они отрицали старые отжившие формы, точно также, как юность отрицает детство, как мужеский возраст отрицает юность. Они переводили мышление и чувство в зрелый возраст понимания и были выражением этого возраста и этой степени понимания.

3) Теологическое мышление, резвившееся в мистических культах, было толчком для мышления философского. Первые философы почти сплошь примкнули к мистериям, но повели дело ещё дальше. Философия уже имела перед собою широкое и глубокое нравственное мировоззрение. Важнейшие идеи, выработанные греческим духом в сфере религии, проникли и в философию и сделались основой философского мышления. Это – идеи божественного происхождения души и падения; взгляд на жизнь, как на поприще и подвиг очищения и восстановления первобытной чистоты; отсюда – идеи нравственного порядка; и наконец идея бессмертия как возвращения души в прежнее состояние и возмездия за дела этой жизни. Так вопрос о бессмертии перешёл из области

религиозной в область философии.

Но усвоить догмат религиозной веры философским мышлением, перевести содержание религиозного сознания в форму понятий – дело не лёгкое. Истина перед очами; её уже приняли вера и чувство; но понять её, ввести в формы мыслящего сознания – дело не лёгкое. И как часто истина по видимому отвергается, тогда как она вовсе не отвергается, а только не поддаётся объяснению, не укладывается в рассудочные формы.

Прежде всего ясно, что философия могла говорить о бессмертии только тогда, когда человек выделить из всего остального Мира, как особое существо, которое имеет особливую нравственную природу, когда он перестал быть только вещью между вещами; стало быть, когда в нём под чувственную оболочку открыто начало, отличное от природы, начало, которое мы называем духом. Если может быть речь о бессмертии, то только под условием духа или о бессмертии духа. Но идея духа появилась в философии не вдруг. В древней философии не было духа, ни в форме конечного человеческого, ни в форме бесконечного божественного духа. Это не значит, что философия их отрицала, но значит только, что философия не дошла до понятия о духе. Как же она изъясняла явления, которые мы производим от духа божественного и человеческого? Чем был для неё Бог? Не отдельным, над мирным существом, но частью, жизнью Мира, или – порядком, законом мира, умственным представлением мировой законосообразности. Сообразно с этим и то, что мы называем человеческим духом, было ни отдельным существом в человеке, но частью мира или, в менее грубой форме, идеею порядка в человеческой жизни. У Фалеса он есть вода, у Анаксимена воздух, у Гераклита – часть огненной сущности, разлитой в мире. Следовательно дух божественный и человеческий сливаются с общею жизнью мира и как бы разлиты в Мире. Наша разумность находится в тесной зависимости от общей разумности мира, т. е. от мирового огня. Когда наши чувства открыты для принятия его, то мы становимся разумными; когда разобщаемся с ним, закрываем чувства как двери, то в нас погасает разумный огонь. Ясно, что тут не могло быть и речи о бессмертии духа, потому что такого существа не было. За тем начинается в философии процесс, так сказать, образования духа, т.е. образования понятия о духе, как существе высшем природы и управляющем ею. Эта разлитая повсюду мировая разумность начала собираться и сосредоточиваться в отдельные духовные существа. Первою ступенью такой собранности или сосредоточенности и первую формую духовного бытия явилась душа мира. Это уже нечто отличное от лица, хотя и проникающее собою весь мир, не отвлечённая идея мирового порядка,

но живое начало этого порядка в мире. Она одушевляет мир и управляет им. Мир есть великое одушевлённое существо. Всё разумное в мире, вся правильность и закономерность его действий возведена к душе мира, как к своему ближайшему основанию. На этой ступени представления человеческие души суть пока ещё части этой мировой души. Очевидно, что и тут ещё не могло быть речи о бессмертии человеческого духа. Наконец Платон отделил человеческую душу от мировой души, как свободную и нравственно-ответственную сущность. Так, мало по малу, душа осознана и понята – как особливая, нравственно-свободная сущность в мире, и бессмертие сделалось существенною формою её бытия. Жизнь и смерть проходят и переходят одна в другую, но в центре этого движения остаётся душа, как неизменно-пребывающее начало.

Мы дошли до заключительного слова греческой философии: но оно не было тем, чего желал и может желать человек. Человек желает личного бессмертия; но бессмертие духа ещё не есть бессмертие лица. Понятие лица обнимает собою всё содержание жизни духа, связанное единством и тождеством сознания. Для меня вовсе не желательно бессмертие, в котором я перестану быть тем же лицом, потому что это буду уже не я. Но точно также меня мало удовлетворило бы и то бессмертие, в котором сбереглись бы только приобретения моей умственной жизни под формою понятий, но потерялось бы все то, чем эти понятия прикреплены к жизни – воспоминания, чувства, привязанности и проч. Между тем греческая философия этой идеи, идеи лица, не выяснила и от того бессмертие её безжизненно. Признавая Божественное происхождение души и её высокое предназначение, философия сосредоточила эти качества не вообще в душе, а в той одной, хотя и высшей части её, которая как сама происходит из сверхчувственного мира, так и обращена к этому миру. Два великих философа древности – *Платон*, и *Аристотель* – производят от Бога только ум – Платон, как силу познания и деятельности; Аристотель только как силу познания вечных истин. То, что мы называем областью сердца и желаний – воспоминания и привязанности, – эта изменчивая, но в то же время самая привлекательная сторона жизни, отнесена к смертной душе и погибнет вместе с нею. Таким образом воспоминание небесного переходит в жизнь вместе с душою и оживляет её. Но воспоминание земного, привязанности, желания, не переходит в небесную жизнь. Это у Платона. Аристотель сузил ещё более сферу вечного в человеческом духе. Поставивши нравственную деятельность человека в зависимость не от ума, но от благоразумия, он сосредоточил первый только на теоретическом познании и усвоил вечное бытие только тому, что составляет сферу

понятий, область спокойного и бесстрастного созерцания. Таким образом бессмертие усвоено не только не всему человеку, но даже и не всей душе, но только уму. Это бессмертие не духа, но понятий, отвлечённых образов, отвлечённого мышления, если угодно – философии, но не жизни. На этом закончила древняя философия в отношении к нашему вопросу.

4) Заслуга греческого мира велика. Он отделил душу от природы, возвысил её над природою, указал ей иное назначение и иную судьбу. Сознание того, что возвышает душу, всегда было присуще греческому уму. В том числе идея бессмертия была одною из светлых звёзд на горизонте греческого мира. Но он не выяснил вполне идеи лица, откуда и произошла его односторонность. Тем в большем величии является пред нами христианство, которое признало права человеческого сердца и не только не сравняло его с теоретическою стороною, но в некотором отношении даже возвысило его над этою стороною по его значению в духовной жизни, и самого Бога назвала не созерцающим умом, но любовью – названием заимствованным от свойств сердца. Сообразно с этим христианство усваивает бессмертие всему человеку, не только уму, но и сердцу и его привязанностям, распространяя его притом и на тело, как на необходимо соединённое с духом в понятии человека и участника его нравственных подвигов. Таким образом к великим усилиям хотя и слабого человеческого ума пришло на помощь Слово Божие. Истина естественного ума получила освящение божественное. Надежды сердца нашли опору в голосе веры, имеющем авторитет божественный. Вечно стремящийся к свету истины и добра человеческий дух назад нейдёт и не отказывается от того, что один раз, после долгих, вековых трудов и усилий, он понял и принял как истину. Он никогда не откажется, он не может отказаться и от бессмертия в полном смысле христианского понятия о нём. Те явления, в особенности новой философии, которые имеют, по-видимому, отрицательный характер в отношении к этой истине, показывают только недостаточность принципов, которыми различные философы хотят объять и объяснить всю полноту бытия – конечного и бесконечного. Но из односторонностей слагается доступная уму полнота истины и отрицательные пути, если только они идут из пытливого ума, а не из сердца порочного, столько же ведут к одной и той же цели – к истине, как положительные. Вот те мысли, который я счёл долгом изложить в изъяснение и оправдание основных положений моего сочинения, с которыми имею честь явиться на ваш суд.

Содержание

И.А. Чистович Идея бессмертия в древне-греческой философии и в христианском мировоззрении Иларион Алексеевич Чистович	1
---	---